

книги», проделанное Р. П. Дмитриевой, показало, что в «Степенной книге» легенда о Владимире Мономахе сокращена.²¹ Что касается стенописи Архангельского собора, то здесь изображения этого князя мы не находим вовсе. Кроме того, по мнению Р. П. Дмитриевой, в «Степенной книге» в сравнении со «Сказанием» рассказу о получении Мономахом византийского венца придавался новый смысловой оттенок. Получение даров, сообщает «Степенная книга», это не столько наследие власти, сколько наследие «славы греческого царства».²²

Разумеется, идеи «Сказания о князьях Владимирских» в середине XVI в. были особенно актуальны в связи с венчанием царя Ивана шапкой Мономаха. Об этом достаточно ярко свидетельствует текст «Вступления к чину венчания на царство Ивана IV».²³ Это нашло отклик и в произведениях искусства. Например, в известной иконе «Церковь воинствующая», написанной для Успенского собора Кремля, центральное положение занимает образ Владимира Мономаха.²⁴ При этом изображения Владимира Святославича, Бориса и Глеба, размещенные в правой части композиции, не играют такой важной роли в раскрытии идейного замысла произведения, как фигура Мономаха, и значительно уступают ей в своих размерах.²⁵ Для того же собора было сделано знаменитое место царя Ивана (1551 г.) с резными барельефами, иллюстрирующими легенду о шапке Мономаха. Однако в «Степенной книге», так же как и в живописи Архангельского собора, видимо, отразилось стремление Ивана Грозного подчеркнуть, что принятый им царский титул древнее Мономахова венца и происходит от Владимира, крестившего Русскую землю.²⁶ Эту идею исторически сложившейся московской монархии довольно четко сформулировал сам царь Иван. «Сего православия истинного Российского царствия, — писал он изменнику Курбскому, — божим изволением почтен от великого царя Владимира». Перечисляя далее по порядку основных наследников этого князя: Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана III, Василия III, он называл и себя: «Даже доиде и до нас смиренных скипетродержания Российского царствия».²⁷ Высказывая впервые в истории Руси такой взгляд на самодержавие,²⁸ первый русский царь особо подчеркивал, что как все его предки, так и он сам, «не восхитихом ни под кем же царьства, но божим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся божим повелением, и родителей своих благословением все взяхом, а не чужее восхитихом».²⁹ Эти строки, относящиеся к 1564 г., как бы сами ложатся в качестве подтекста на живопись Архангельского собора.

²¹ Р. П. Дмитриева, стр. 134.

²² Там же; ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 188.

²³ Р. П. Дмитриева, стр. 182.

²⁴ В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. 2. М., 1963, стр. 128, 132.

²⁵ Там же.

²⁶ Р. П. Дмитриева, стр. 145. В исследовании приводится интересная выдержка из царского наказа послу (1554 г.): «Государь наш зовется царем потому: прародитель его, великий князь Владимир Святославич, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческой и патриарх венчали его на царство Русское, и он писался царем, а как преставился ино и образ его на иконах пишут царем» (Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб., 1887, стр. 436—437).

²⁷ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 9, 10, 202, 259—260.

²⁸ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1937, стр. 179.

²⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 10.